

Научный руководитель:

Платонова Нонна Михайловна, д.и.н., профессор кафедры
«Теория и история государства и права», ДВГУПС, Хабаровск
Supervisor Platonova Nonna Mikhailovna,
PhD in History, Professor of the Department
«Theory and History of State and Law»,
Far Eastern State University of Railway Transport,
Khabarovsk

Кучмина Валерия Андреевна,
студент, ДВГУПС, Хабаровск
Kuchmina Valeria Andreevna, student,
Far Eastern State University of Railway Transport,
Khabarovsk

**ИЗ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЧИТИНСКОГО ОКРУГА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1920-Х ГГ.)
FROM THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE OF THE BURYAT
POPULATION CHITA DISTRICT (THE SECOND HALF OF THE 1920s)**

Аннотация. Авторы раскрывают традиционные условия жизнедеятельности и повседневности бурятского этноса национальных районов Читинского округа. Отмечается, что перевод бурят с кочевого на оседлый образ жизни было одним из важных направлений государственной национальной политики. Рассматриваются изменения, имевшие место в аграрном секторе, социальной сфере, в области здравоохранения и образования.

Abstract. The authors reveal the traditional living conditions and daily routine of the Buryat ethnic group of the national districts of the Chita district. It is noted that the transfer of Buryats from a nomadic to a sedentary lifestyle was one of the important directions of the state national policy. The changes that have taken place in the agricultural sector, the social sphere, healthcare and education are being considered.

Ключевые слова: Дальний Восток СССР, Читинский округ, государственная национальная политика, бурятский этнос, кочевники, оседлый образ жизни.

Keywords: Far East of the USSR, Chita district, state national policy, Buryat ethnicity, nomads, sedentary lifestyle.

В нарастания конфронтации по стороны ряда недружественных государств по отношению к Российской Федерации все острее и актуальнее становятся вопросы национальной политики и межнациональных отношений. Несмотря на богатейший исторический опыт советского государства в этом направлении, научный интерес к проблеме не теряет своей значимости. Историография новейшего периода ярко об этом свидетельствует. Одно из центральных мест занимают исследования по истории Бурятии и ее населения, культуры, традиций, социально-экономического развития [1 – 8].

В рассматриваемый хронологический период политика высшего партийного руководства СССР была ориентирована на восстановление народного хозяйства, разрушенного Гражданской войной и иностранной интервенцией. Затем новая экономическая политика несколько изменила положением дел. Все эти трансформации затронули и кочевое население страны, в том числе и бурятский этнос, проживавший преимущественно на территории Бурят-Монгольской АССР и Монгольской народной республики, а также в Читинском округе. Сложность перевода кочевого населения на оседлый образ жизни был обусловлен устойчивостью родового образа жизни, высоким

уровнем религиозности, низким – образования и здравоохранения. Крайне не просто было даже сформировать аппарат местного управления. Нередко кочевники принимали участие в разбойных набегах бандитских формирований, помогали контрабандистам, что вызывало глубокое опасение у представителей власти в центре и на местах [7, с. 1; 8, с. 21 – 25].

В 1920-е гг. советский Дальний Восток и Забайкалье развивались в общегосударственном контексте. В результате районирования началось постепенное административно-территориальное формирование внутренних границ дальневосточного региона, а Читинский округ стал ее часть. Одновременно районирование акцентировало решение национального вопроса. Изменения традиционных форм жизнедеятельности затронули бурятское население, в большинстве проживавшее в образована Бурят-Монгольской АССР, образованной в 1923 г. На её территории сосредотачивалось 90,5% бурят от общей численности бурятского населения в России. Кроме того, по данным переписи 1926 г. бурятский этнос проживал в Сибирском округе – 13 693 чел., из них в Иркутском районе – 11 489 чел., а также в Хаоцайском и Хилоко-Бурятском хошунах (волостях) Читинского округа Дальневосточной области – 8 167 чел. [3, с. 172 – 173; 7, с. 91]. В ходе дальнейших изменений 1 июня 1927 г. эти два национальных хошуна были преобразованы в национальные районы, затем в 1931 г. их объединили в Хилоко-Хаоцайский район. По данным Читинского окружного и районных исполкомов общая численность бурятского населения на 1 января 1928 г. в округе составляла 8 139 чел., из которых 3 692 чел. проживали в Хилоко-Бурятском районе, 2 924 чел. – в Хаоцайском, 1 523 чел. – в Ворзинском районе в сомоне (сельском поселении) «Новая Заря». В планах первой пятилетки (1928 – 1932 гг.) помимо индустриализации, коллективизации, урбанизации и т.д. на советском Дальнем Востоке важной задачей выступало преодоление социально-экономической отсталости национальных районов, их интеграция и ускоренный перевод кочевого населения на оседлый образ жизни [7, с. 92].

Действительно, основным занятием бурятского населения национальных районов Читинского округа было скотоводство, поэтому в ходе приобщения бурятского населения к оседлой жизни главным направлением становилось внедрение и распространение культуры земледелия. В течение 1925 – 1927 гг. наметились некоторые тенденции к оседлости. Ежегодно стали увеличиваться размеры посевных площадей, формировались трудовые сельскохозяйственные артели, постепенно рос спрос на аграрные орудия труда и технику. Тем не менее, местные власти сталкивались с нехваткой денежных средств, отсутствием агрономических участковых пунктов, дефицитом семенного фонда, низким уровнем агропропаганды среди населения, нехваткой ветеринарных фельдшерских пунктов и отсутствием селекционной работы по улучшению пород скота [7, с. 93]. Сложности имелись в ходе трансформации быта, семейных и культурных отношениях. Главным фактором, который сдерживал их развитие являлось превалирование у бурятского этноса традиционного уклада образа жизни. Так, летом, пребывая в сомоне (сельском поселении) и занимаясь выпасом скота, буряты проживали в холодных бараках, где не было окон и печей. С наступлением зимнего времени они перебирались к месту нахождения покоса, устраивая там другие временные жилища – землянки и войлочные юрты. О домашней гигиене, санитарии и чистоплотности буряты не имели представления, в жилых помещениях «царствовала невероятная грязь, посуда никогда не мылась, лицо буряты мыли изредка холодной водой и то без мыла, бельё никогда не стирали, одежда, раз надетая, не снималась вовсе и носилась пока не истлевала на теле» [7, с. 94]. Консерватизм и архаичность господствовали в семейных отношениях. Муж сохранил власть над женой и детьми. Обыденными явлениями в жизни бурят были избиения членов семьи при малейшем неповиновении, как правило, дочерей за калым выдавали замуж без их согласия [7, с. 94].

Результатом отсутствия санитарной культуры и недостаточности профилактических мероприятий был рост социальных болезней среди бурятского населения национальных районов Читинского округа. Наиболее высокими были показатели по венерическим

заболеваниям, что приводило к многочисленной детской смертности. Лечением бурятского населения Читинского округа занимался фельдшерский пункт и венерологический отряд Российское общество Красного Креста (РОКК). Окружная система здравоохранения национальных районов испытывала острый дефицит финансирования, кадровый голод, маломощность материальной базы и др. [7, с. 95].

При переходе на новый образ жизни для местного руководства важно было преодолеть порог культурного отставания, связанного с влиянием буддийского духовенства, под которое попадали даже советские партийные работники и комсомольцы. Глубоко верующие буряты часто приглашали к себе лам или посещали дацаны (буддийские монастыри). Многие ламы бесконтрольно врачевали, применяя практики тибетской медицины [7, с. 95].

Важным механизмом перехода на оседлый образ жизни и дальнейшей адаптации бурятского населения к новым условиям повседневности являлась система образования. Если в 1926 – 1927 учебном году в национальных районах Читинского округа действовали 6 начальных школ, то в 1927 – 1928 учебном году – 9 школ. Школьная система образования также испытывала материально-финансовые трудности, весьма сложно решалась кадровая проблема. Занятия в школах вели учителя-монголисты, слабо знавшие или вообще не владевшие русским языком, не имевшие педагогической подготовки. Нередко учителем мог стать любой, пожелавший обучать детей. По данным райисполкомов все национальные учителя были самоучками, поэтому говорить о качестве обучения в таких школах не приходилось [4, с. 98; 7, с. 96].

Таким образом, в рассматриваемый хронологический период бурятское население национальных районов Читинского округа находилось на этапе перехода к оседлому образу жизни, преодоления экономических и культурных пережитков традиционного образа жизни.

Список литературы:

1. Базарова В.В. Становление национальной школы в Бурят-Монголии: битва в пути / В.В. Базарова // Власть. 2011. № 7. С. 101 – 104.
2. Бакшуев В.Ю. Государственная политика здравоохранения и женский вопрос в Бурят-Монгольской АССР и Монгольской народной республике (конец 1920-х – 1930-е гг.) / В.Ю. Бакшуев // Власть. 2017. № 3. С. 167 – 172.
3. Болхосоева Е.Б. Административно-территориальное устройство и особенности этногеографии бурят // Вестник Бурятского государственного университета. Биология География. 2004. № 3. С. 164 – 177.
4. Номогоева В.В. Национальная школа в Бурятии в 1920–1930-е гг.: проблемы формирования / В.В. Номогоева // Гуманитарный вектор. 2011. № 3 (27). С. 95 – 99.
5. Номогоева В.В. Повседневная жизнь бурятского населения (1920 – 1930-е гг.) / В.В. Номогоева // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 27 – 30.
6. Номогоева В.В. Санитарное просвещение и борьба за «новый быт» в Бурятии в 1920 – 30-е годы / В.В. Номогоева, А.М. Плеханова // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. 2008. 2(66). С. 162 – 165.
7. Платонова Н.М. Бурятское население Читинского округа в условиях переходного периода от кочевого к оседлому образу жизни (вторая половина – конец 1920-х гг.) / Н.М. Платонова // Учёные записки КнАГУ. 2022. № VI (62). С. 89 – 98.
8. Сеницын Ф.Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917 – 1991 / Ф.Л. Сеницын. Москва: Центрполиграф, 2019. 318 с.

